

МОНАРХИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ)

Статья 1

А.А. Демичев

Нижегородская академия МВД России

aadem@bk.ru

Статья посвящена выявлению особенностей общественного сознания российских подданных XVIII – первой половины XIX в. на основе комплекса исторических анекдотов. Анекдот рассматривается в качестве важного специфического исторического источника, содержащего ценную информацию по истории общественного сознания. В работе делаются следующие выводы: 1) в сознании российских подданных доминировал образ «доброто царя (царицы)». Монарх являлся воплощением бытующих среди населения представлений о том, что только он может стать последней надеждой в споре, защитой от несправедливого суда или произвола чиновников. Именно государь – высшая земная инстанция, только он, лично рассмотрев челобитную, может и строго наказать виновного, и оправдать невиновного. «Добрый царь» априори справедлив и милосерден. Даже когда осужденный действительно виновен, правитель может (и в некоторых случаях, когда того требуют соображения гуманности, должен) быть к нему снисходительным. Также монарх должен даровать населению милости – проводить амнистию, давать чины, звания, должности; 2) одной из особенностей российской ментальности изучаемого периода является то, что монарх в народных представлениях, зафиксированных в анекдотах, стоит выше законов, он может их нарушить, но должен это делать только в том случае, если желает оказать «милость» своему подданному. В противном случае произвол недопустим. Автор характеризует общественное сознание россиян изучаемого периода как монархическое, в рамках которого сформировался образ «идеального монарха».

Ключевые слова: общественное сознание, менталитет, исторический анекдот, «идеальный монарх», закон, справедливость.

MONARCHICAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN SUBJECTS IN THE 18TH – THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY (ON MATERIALS OF HISTORICAL ANECDOTES)

Article 1

A.A. Demichev

Nizhniy Novgorod academy of the
Ministry of the Interior of Russia

aadem@bk.ru

The article is devoted to revelation of public consciousness of Russian subjects in the 18th – the first half of the 19th century on the basis of anecdotes complex. The anecdote is considered as the important specific historical source, contains valuable information on the history of social consciousness. In the work are the following conclusions: 1) in the consciousness of Russians the image of «good king (queen)» dominated. According to the population, the monarch was the highest judge, the defender from unfair

court and an arbitrariness of officials. The tsar (the king) is a highest judge on the earth. If he is personally consider the request, it will strictly punish guilty and will justify is innocent. «The Good Tsar» is always just and merciful. The Tsar can be in certain cases humane and indulgent even in relation to the criminal. The monarch, in the opinion of the population, should conduct the Amnesty, give ranks, titles, positions; 2) The feature of the Russian mentality of the studied period fixed in the anecdotes, is that the monarch is above the law. He can break the law, but must do it when he wants to make the benefit of the citizens. Otherwise arbitrariness is invalid. The author characterizes the public consciousness of the Russians of the studied period as monarchical, in which the formed image of the «ideal monarch».

Key words: public consciousness, mentality, historical anecdote, «Ideal monarch», law, justice.

Традиционно анекдот относится к числу «несерьезных» исторических источников, редко используемых в работах ученых. Действительно, в фактографическом плане он малоинформативен. На основе даже достаточно большого комплекса анекдотов не удастся реконструировать те или иные события, создать целостное представление о каком-либо явлении исторической действительности. Когнитивная ценность анекдота заключается в другом. Он содержит весьма ценную информацию аксиологического плана, позволяет выявить особенности ментальности населения того или иного периода, а также отношение его носителей к отдельным историческим личностям, событиям и явлениям.

В данной статье мы на основе ряда анекдотов XVIII – первой половины XIX в. попытаемся реконструировать особенности общественного сознания российских поданных соответствующего периода.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу анекдотов, сделаем несколько оговорок. Во-первых, под анекдотом в XVIII – первой половине XIX в. понималось несколько иное, чем сейчас. В настоящее время анекдот – это разновидность малого фольклорного жанра, короткий смешной рассказ с остроумной концовкой. В изучаемый период анекдот означал «1) краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычности, ново-

сти или неожиданности и проч.; 2) любопытную черту в характере или жизни известного исторического лица и 3) случай, подавший повод к остроумному замечанию или изречению»¹. В «Словаре русского языка XVIII века» в статье «Анекдот» отмечается французское происхождение этого термина (от anecdote) и указывается два его значения: 1) рассказ, история (первоначально о событиях тайных, затем о любопытных, достопамятных) и 2) случай, происшествие².

Следует согласиться и с С.А. Мезиным, считающим, что в XVIII в. современники воспринимали анекдоты в качестве некоего «философского» жанра историографии, обязывающего автора к нравственным и политическим выводам и сентенциям³. П.А. Зайончковский отмечал, что анекдоты XVIII в. примыкали иногда к воспоминаниям, иногда к источникам фольклорного характера⁴. А Е.В. Анисимов считает,

¹ Никитенко А.В. Анекдот // Энциклопедический лексикон. – СПб., 1835. – Т. 2. – С. 303.

² См.: Анекдот // Словарь русского языка XVIII века. – Л., 1984. – Вып. 1. А – Безпристрастие. – С. 70.

³ См.: Мезин С.А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. – Вып. 20. – Саратов: Изд-во СГУ, 2002. – С. 21.

⁴ См.: Зайончковский П.А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. – М., 1976. – Т. 1. – С. 10.

что анекдоты XVIII в. практически не имеют отношения к привычному для нас понятию «анекдот», а представляют собой нравоучительные новеллы «из жизни великих», уходящие корнями к Плутарху⁵.

Итак, не все истории, которые современниками были названы анекдотами, являются анекдотами в нашем понимании. Некоторые из них представляют по своей сути мемуарные произведения, исторические повести или исторические предания. Таковые были исключены нами из источниковой базы данной работы.

Во-вторых, ограниченность объема статьи не позволила включить в нее все анекдоты соответствующей тематики.

В-третьих, хронологические рамки исследования охватывают XVIII – первую половину XIX в., т. е. период правления от Петра I до Николая I включительно. Однако мы будем реконструировать особенности общественного сознания на основе анекдотов только о Петре I, Екатерине II, Александре I и Николае I. В нашем распоряжении имеется также определенное количество анекдотов о Павле I. Однако образ Павла I как «идеального» монарха в российском менталитете XVIII – начала XIX в. требует отдельного исследования. Это обуславливается, с одной стороны, неоднозначностью оценки личности Павла I и его внутренней и внешней политики как современниками, так и учеными, с другой – малоизученностью текстов соответствующих анекдотов.

Что касается анекдотов о других российских правителях обозначенного периода, то их количество незначительно. Тем

⁵ См.: Анисимов Е.В. Анекдоты // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. – СПб.: Культ.-просветит. о-во «Пушкин. фонд»; М.: Внешсигма, Третья волна, 1993. – С. 245–246.

не менее и анекдоты о Павле I, и анекдоты о российских правителях эпохи дворцовых переворотов полностью подтверждают выводы, которые будут сделаны в нашей статье на основе анализа анекдотов о Петре I, Екатерине II, Александре I и Николае I.

В-четвертых, мы намеренно сужаем круг источников до анекдотов юридической тематики. Определяющим фактором в данном случае стало то, что юридическая сфера жизни общества – это, как правило, сфера конфликта, столкновения интересов⁶. Именно в конфликтной ситуации наиболее ярко проявляются те или иные черты, присущие отдельному человеку, социальной группе или обществу в целом.

Перейдем к реконструированию сознания российских подданных XVIII – первой половины XIX в. на основе исторических анекдотов.

Достаточно большое количество анекдотов, главными действующими лицами которых являются российские императоры, свидетельствует о монархическом характере российской ментальности соответствующего периода. Удивительно, но нами не обнаружено ни одного дореволюционного анекдота, где образ императора был сугубо отрицательным, где бы высмеивалась глупость, тщеславие, жадность или какие-то другие негативные черты российских правителей. Это существенно контрастирует с современным и особенно советским политическим анекдотом, где руководителям государства даются зачастую отнюдь не положительные характеристики. При этом

⁶ Отметим, что в весьма интересной монографии А.Б. Каменского лежит комплекс источников местных учреждений XVIII в., отложившихся в большинстве случаев именно вследствие конфликтных ситуаций (см.: Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. – М.: РГГУ, 2006).

следует отметить, что одной из специфических черт анекдота является его неподцензурность, неподконтрольность власти. Каким бы ни был политический режим, каким бы ни было государственное устройство, анекдот всегда автономен от них, его невозможно загнать в какое-то угодное правящей элите русло. Попытки распространения «официальных» анекдотов, так же как и абсолютного контроля над анекдотом народным, всегда обречены на провал. Анекдот в обществе, наряду с некоторыми другими функциями, выполняет иллокутивную и пародийную функции. Первая заключается в том, что в качестве средства неформальной коммуникации анекдот «разрушает существующие и показные ценностные ориентиры, создавая свой вариант интерпретации действительности», вторая – что анекдот «пародирует не просто абстрактные черты, а вполне узнаваемые характеристики», и массовое сознание, вопреки официальной идеологии, тиражирующей нужные ей тексты, «распространяет свои тексты в виде анекдотов»⁷.

Следует акцентировать внимание и на том, что в советский период отечественной истории официальной идеологией во многом формировался негативный образ монархической власти. Естественно, в этой ситуации ученые не могли не использовать такой жанр фольклора, как анекдот, чтобы показать отрицательное отношение его носителя к царизму. Но не использовали. И причина этому, как мы отметили ранее, отсутствие анекдотов такого содержания.

Так как монарх является главой государства, то нет ничего удивительного,

что в народном представлении он является высшей и самой последней инстанцией в разрешении любого вопроса. Главная сложность же заключается в том, чтобы донести до него эту просьбу. Для российского менталитета была и остается характерной такая черта, как вера в «доброту царя» (князя, императора, Генерального секретаря ЦК КПСС, президента...). Суть этих представлений заключается в том, что правитель – хороший, он честен, справедлив, порядочен, добр и т. д. Однако его окружение (бояре, дворяне, чиновники и пр.) – плохие. Они скрывают от монарха правду о жизни народа, врут ему, что все хорошо, не дают достоверной информации. Отсюда и стойкое убеждение, что для разрушения этой порочной системы нужно «прорваться» к первому лицу государства и рассказать ему «всю правду». А уж правитель наведет порядок: накажет негодяев, наградит достойных, восстановит справедливость...

Анекдот № 1⁸

Стольник Желябужский впал в такое преступление, которое, по справедливости, заслужило публичное наказание и ссылку, к чему воинским судом он был приговорен, и приговор тот утвержден государем [Петром I]. Сын его, человек молодой и видный, узнавший о таком приговоре, при выходе государя из дворца пал к стопам его и со слезами возопил:

– Государь, надежда наша! Не дерзая умолять тебя, меньше же негодовать на приговор, učinенный судом отцу моему, – зная, что он был правосуден, а прошу только из единого милосердия твоего: преступление отца и заслуженное им наказание перенести на меня. Он, при старости и слабости

⁷ Ширяева Н.В. Лингвокогнитивные репрезентации комического в немецком языке (На материале типа текста «анекдот»): дис... канд. филол. наук. – М., 2007. – С. 80–81.

⁸ Кривошлык М.Г. Исторические анекдоты из жизни замечательных людей. – М.: Издательско-полиграфическая фирма «АНС-принт» Ассоциации «Новый стиль», 1991. – С. 18.

своей, наказания твоего перенести не может, а я, по молодости и крепости своей, удобно несусь и заплачу тем за рождение свое. И таким образом, без нарушения правосудия твоего, спасу и мать мою, которая не может перенести столь горестного лишения мужа, малолетних же братьев и сестер избавлю от несносного сиротства и бесчестья всего нашего рода.

Государь, чувствительно тронутый таковою сыновней нежностью, поднял его и, поцеловав, сказал:

— За рождение такого сына, как ты, прощало твоего отца и возвращало его семейству, а тебя жалую чином и местом его, надеясь, что исполнишь должность лучше, нежели отец твой.

В приведенном выше анекдоте мы видим факт прямого обращения к Петру I сына стольника Желябужского с просьбой о помиловании отца. Интересен, на наш взгляд, момент, что и проситель, и император, да и все окружающие прекрасно понимают, что по своей сути просьба безосновательна. Но сын Желябужского уповает вовсе не на юридическую справедливость — он обращается к Петру I не столько как к последней судебной инстанции, сколько как к «доброму царю». Об этом свидетельствует и обращение «Государь, надежда наша!», и сама просьба: сын просит не отменить приговор, прямо называя его правосудным, а умоляет о милости — о замене отца на самого себя в качестве субъекта отбывания наказания. Просьба достигает цели — император ведет себя не в соответствии с требованием закона, а отвечает ожиданиям просителя и окружающих от него «милостивого» поступка. При этом он не заставляет сына отбывать наказание за отца, а дает ему отцовскую должность.

Не имеет значения, на самом деле имел ли место факт, являющийся фабулой анекдота, однако данный сюжет весьма пока-

зателен в плане выявления особенностей менталитета населения России, в среде которого ходили истории подобного рода. При этом в анекдоте № 1 в достаточно абстрактном образе «добротного» царя прослеживаются индивидуальные черты Петра I, такие как благосклонное отношение к «кающимся», а также назначение на высокие должности человека не за реальные заслуги, а за единичные поступки, произведшие впечатление на монарха.

Нет ничего удивительного в том, что можно было напрямую обратиться к монарху с какой-либо просьбой. С одной стороны, здесь проявляются пережитки чужды ли не времен военной демократии, с другой — проводилась целенаправленная политика, целью которой было приближение власти к народу; сохранялась традиция непосредственного участия монарха в решении не только общегосударственных вопросов, но и проблем индивидуального характера. Наконец, в России исторически сложилось недоверие к суду. Подтверждением этому служит целый пласт народных пословиц и поговорок (Сила закон ломит. Что мне законы, коли судьбы знакомы? Законы-то — святы, да исполнители — супостаты. Закон — что дышло, куда повертишь, туда и вышло. Где суд — там и неправда. С сильным не борись, с богатым не тяжись. Дари судьбу, так не посадят в тюрьму. С кого судья взял, тот и прав стал. Узнавай купца по обману, а судьбу по карману. Не судись: лапоть дороже сапога станет. Умный на суд не ходит, а глупый и с суда не сходит, и др.⁹). Анализ их содержания приводит к выводу, что у простолюдина не было в суде шансов выиграть дело. Поэто-

⁹ См.: Иллюстров И.И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. — 3-е изд. — М.: Красандр, 2011. — С. 12, 23–27, 71.

му нет ничего удивительного, что для справедливого суда нужно обращаться только к самому царю-батюшке. Конечно, лично попросить о чем-либо императора или императрицу было не так просто по многим причинам. Сложности заключались в том, как добраться до столицы, как суметь подойти к монарху, привлечь его внимание и т. д. Были и причины законодательного характера.

Так, 27 октября 1699 г. Петр I подписал указ «О неподаче просьб Государю, мимо приказов, кроме государственных и неправорешенных дел», разрешавший подачу челобитных напрямую царю, только если спорное дело уже было рассмотрено судом и его решение не удовлетворило челобитчика¹⁰. В 1700 г. был издан указ «О неподаче просьб мимо присутственных мест Государю, кроме важных государственных дел», подтверждающий указ 1699 г. и запрещающий обращаться непосредственно к царю, минуя присутственные места¹¹. Подтверждением нелюбви Петра I к челобитным, и особенно челобитным необоснованным, является анекдот № 2.

Анекдот № 2¹²

Великий государь, ненавидя крайне ябедников, издал закон: кто на правого бьет челом и то същется, то поступит с челобитчиком так, чему

¹⁰ См.: Именной указ «О неподаче просьб Государю, мимо приказов, кроме государственных и неправорешенных дел». 27 октября 1699 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – № 1707.

¹¹ См.: Именной указ «О неподаче просьб мимо присутственных мест Государю, кроме важных государственных дел». 23 января 1700 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – № 1748.

¹² Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. – М.: Универ. тип. Ридигера и Клаудия, 1796. – Т. 17. – № 113.

бы достоин был ответчик, ежели бы оказался он виновным <...>.

Один московский купец бил челом на соседа, что корова его, ворвавшись к нему в огород, поела его капусту и причинила ему убытку на 300 рублей, и просил убыток сей взыскать с него. И как его величество в сие время находился в Москве, то и не сокрылась от него таковая ябеда. Он приказал суду тому свидетельствовать в городе его, сколько поедено капусты и причинено ему убытку, и поелику не могло уже быть пристрастное свидетельство, то найдено, что капусты поедено (в чем и весь убыток тот состоял) не больше как рубли на три. Донесено о сем государю, и монарх повелел с бессовестного сего просителя взыскать 300 рублей и отдать оные ответчику, соседу его, а сверх того взыскать с него же в казну 3000 рублей и употребить оные на построение мундиров солдатам Преображенского полку. А дабы коварный проситель и все московское купечество такового решения не забыли, повелел впредь писаться ему Капустиным.

Несмотря на то что первый российский император не любил разбирать жалобы, он все же взялся за рассмотрение этого дела. Монарх выносит справедливое решение: обманщик-челобитчик платит и ответчику, и в казну. Более того, Петр I проявляет остроумие, давая истцу и всем его потомкам фамилию Капустины, «дабы коварный проситель и все московское купечество такового решения не забыли».

Тем не менее ни нелюбовь Петра I к челобитным, ни названные законодательные ограничения не стали абсолютным препятствием для подачи просьб лично в руки монарху. Свидетельством этому являются анекдоты, относящиеся не только к Петровской эпохе, но и ко времени правления других российских императоров.

Анекдот № 3¹³

В один из торжественных дней, в которые Екатерина [II] всенародно приносила в Казанском соборе мольбу и благодарение Богу, небогатая дворянка, упавши на колени перед образом Божьей Матери, повергла перед ним бумагу. Императрица, удивленная таким необыкновенным действием, приказывает подать себе эту бумагу и что же видит? Жалобу Пресвятой Деве на несправедливое решение тяжбы, утвержденное Екатериной, которое повергает просительницу в совершенную бедность. «Владычица, — говорит она в своей жалобе, — просвети и вразуми благородную нашу Монархиню, да судить суд правый». Екатерина приказывает просительнице через три дня явиться к ней во дворец. Между тем требует из Сената ее дело и прочитывает его с великим вниманием.

Прошли три дня. Дама, принеся жалобу Царице небесной на царицу земную, является; ее вводят в кабинет; с трепетом приближается она к императрице.

— Вы правы, — говорит Екатерина, — я виновата, простите меня; один Бог совершенен; и я ведь человек, но я поправлю мою ошибку. Имение ваше вам возвращается, а это (вручая ей драгоценный подарок) примите от меня и не помните огорчений, вам нанесенных.

Анекдот № 4¹⁴

Заслуженный солдат, нашедший удобный случай, когда императрица [Екатерина II], выходила из кареты, стал перед нею на колени с бумагою в руке.

Бумага принята и прочитана. Это была тайная жалоба целого полка, стоящего в Малороссии, на полкового командира, кн. Г., что он не выдает жалования, от чего солдаты терпят крайнюю нужду, что они выбрали единодушно лучшего

¹³ Исторические анекдоты из жизни русских государей. — СПб.: Тип. М.А. Хана, 1880. — С. 22—23.

¹⁴ Там же. — С. 15—17.

из своих товарищей, унтер-офицера, чтобы он довел их горе до Матушки их правосудной Государыни.

Императрица приказала графу Захару Григорьевичу Чернышеву тайно разведать, точно ли жалоба справедлива, и хорошо содержать присланного.

Чернышев поместил его в своем доме и производил розыски. Между тем родные кн. Г., узнав о его беде, всячески умоляли гр. Чернышева спасти его. Дело тянулось долго и, наконец, казалось как бы забытым. Через несколько месяцев гр. Чернышев, чтобы солдат, живший в его доме, не напоминал о деле и не попался бы когда-нибудь на глаза императрице, отправил его на службу в один из сибирских полков, да и сам перестал думать и забыл об этом деле.

Но не забыла Екатерина.

— Что же, граф, — спросила она однажды Чернышева, — собраны ли сведения по жалобе полка?

— Нет, Ваше Величество, еще не получено полных и верных.

— А присланный от полка?

— Живет, Государыня, у меня в доме во всем довольстве. Ему идет и вино, и пиво; обед посылаю ему с моего стола.

— Захар! — грозно сказала императрица, — ты лжешь! Ты обманываешь меня! Я знаю все. Слушай же, Захар, начальника полка сменить и предать суду, присланного немедленно возвратит в Петербург.

Полку было возвращено все законное; присланный унтер-офицер был пожалован в офицеры и возвратился в свой полк, благословляя имя Государыни.

Анекдот № 5¹⁵

В бытность императора Александра I в Перми в сентябре 1824 года к нему подошла какая-то

¹⁵ Антология юридического анекдота / Сост.: В.М. Баранов, П.П. Баранов, В.В. Гриб, В.И. Каныгин. — 3-е изд., перераб и доп. — М.; Н. Новгород, 2007. — С. 55.

помещица, сосланная сюда за жестокое обращение со своими крепостными. Она о чем-то просила государя.

– *Государь! Вы все можете сделать.*

– *Не могу – законы не позволяют.*

– *Закон во власти царей.*

– *Нет, сударыня, законы выше царей, – возразил монарх.*

Просительница из анекдота № 3 не рискует прямо подать жалобу самой Екатерине II, но своеобразной хитростью привлекает ее внимание (подает челобитную в Казанском соборе образу Божьей матери). В результате жалоба не только удовлетворена, но императрица извиняется перед женщиной и дарит ей подарок.

Не найдя справедливости в других инстанциях, даже простые солдаты отваживались обратиться к самой Екатерине II. Из анекдота № 4 мы видим, что благодаря внимательности и настойчивости монархини справедливость восторжествовала. Несмотря на противодействие придворных, командир полка был наказан, а солдаты получили причитающееся им жалование. Естественно, такого рода истории, независимо от того, являлись ли они былью или вымыслом, получали распространение среди населения, так как соответствовали его представлениям о том, каким должен быть монарх.

Однако сознание российского населения не было настолько примитивным, чтобы зафиксировать положение «царь хороший потому, что он всегда милует». Император может и отказать в просьбе. Причем этот отказ будет справедливым. Подтверждением этому является анекдот № 5. Александр I отказывает в какой-то просьбе (она, кстати, в анекдоте не излагается) помещице, сосланной за жестокое обращение с крестьянами. Он ссылается на то, что за-

коны выше царей. На самом же деле (речь идет не только о реальной жизни, но и отражении этого в общественном сознании) монарх мог отступить от закона, если речь идет о «милостях», но он не должен был делать этого, если бы в результате пострадали другие люди (например, крестьяне, к которым бы вернулась жестокая помещица).

Но все же население ждало от монарха различных милостей, соответствующих поступков и восстановления справедливости. В некоторых случаях эта справедливость относительная (например, анекдоты № 6, 7), в других – абсолютная (например, анекдоты № 3, 4, 8).

Анекдот № 6¹⁶

Известно, что день бракосочетания Великого князя Александра Павловича, именно 3-го декабря 1793 года, ознаменован был многими монаршими милостями, в том числе и наградами чиновников по различным ведомствам. Между последними судьей киевского совестного суда, коллежскому советнику Полетике был пожалован орден св. Владимира, но в рескрипте ему о том, вместо «коллежский», он поименован «статским советником». Получив этот рескрипт, Полетика представил его в губернское правление и требовал объявить ему по установленному порядку сей чин. Не имея указа от Сената о пожаловании Полетики в статские советники, губернское правление затруднялось в исполнении его требования и вошло с представлением в Сенат, испрашивая на это разрешения. Когда, наконец, обстоятельство это через генерал-прокурора представлено было на рассмотрение императрицы, с означением именно того, что Полетика наименован в рескрипте статским советником по ошибке, Государыня [Екатерина II] сказала:

– *Государь не ошибаются, и ошибки их должны приниматься за истину.*

¹⁶ Исторические анекдоты из жизни русских государей. – СПб.: Тип. М.А. Хана, 1880. – С. 17–18.

Анекдот № 7¹⁷

В каком-то губернском городе император [Николай I] посетил острог. Опросив арестантов, довольны ли они содержанием и не терпят ли обид, государь полубопытствовал знать о причинах их заключения.

— Ты за что содержишься? — спросил он одного.

— Безвинно, Ваше царское величество, — завопил арестант, ваясь на колена, — по наговору. Значит, церкву разграбили, да и пономаря пристукнули... Я-то знать не знаю и ведасть не ведаю, а мужики и хватились за меня...

— Ты за что? — спросил государь второго.

— Также по наговору, Ваше императорское величество. Коробочника подле деревни зарезали и ограбили, а я и сном-духом не виноват.

— Ты? — обратился государь к третьему.

— По злобе, Ваше величество. Сосед целую пачку фальшивых ассигнаций мне подбросил, а на чердак занес какие-то печатные камни... А я как есть — чист.

В том же роде последовали ответы остальных арестантов: все, оказалось, сидели невинно. Только один на вопрос: «Ты, удалая головушка, конечно, также по наговору?» — отвечал:

— Никак нет, Ваше императорское величество, я сию поделом: у купца лошадку украл.

— Лошадку украл? — переспросил государь с улыбкою.

II, обратившись к губернатору, сказал:

— Сию же минуту выпустить этого негодяя на все четыре стороны. Здесь все честные люди сидят и между ними одному негодяю нет места, а то он всех развратит!

¹⁷ Исторические анекдоты из жизни русских государей, государственных и общественных деятелей прошлого и настоящего / Под ред. М. Шевлякова. — СПб.: Дубинский, 1898. — С. 139–140.

Анекдот № 8¹⁸

Сибирский генерал-губернатор Якоби был невинно оклеветан. В конечном итоге дело рассматривал Сенат, и был произнесен обвинительный приговор.

Но по тогдашнему порядку предварительно представлялась императрице [Екатерине II] докладная записка, то есть краткое изложение всего дела. Державин, один из статс-секретарей того времени, представляет императрице выписку из дела на 300 листах; она просит сократить ее; представляет ее на 30 листах; она просит еще сократить. Врученную ей на 3 листах прочла и сказала:

— Нет, все что-то не ясно, истина запутана. Привезите мне все дело.

Дело привезено и поставлено во дворце в одной из внутренних комнат императрицы и задержано занавескою. Когда Государыня спросила:

— Да где же дело Якоби?

Державин одернул занавеску, и кипы бумаг, наложенные одна на другую, в три ряда с полу до потолка, открылись. Государыня, окинув их глазами, сказала:

— Этим не испугаешь меня!

Она назначила один час каждый день на чтение этого дела. Одному только Державину доверила она делать выписки из некоторых бумаг. Так, говорят, прошел целый год.

Наконец, Якоби потребовали во дворец; его вводят в кабинет императрицы.

— Я рассмотрела ваше дело, — говорит она, — и за счастье почитаю вам сказать: вы не виновны.

Слезы брызнули из глаз Якоби.

— В вознаграждении за долгое ваше страдание справедливым почитаю возложить на вас орден (на золотом блюде лежал орден Св. Владимира).

Якоби, рыдая, упал на колени:

— Правосуднейшая монархиня! Вы возвращаете мне честь мою и невинность: другой награды мне ненужно.

¹⁸ Исторические анекдоты из жизни русских государей. — СПб.: Тип. М.А. Хана, 1880. — С. 20–22.

– *Встань. Якоби, не тебе стоять на коленях, твои судьи должны бы перед всей Россией просить у тебя прощения.*

Если в анекдоте № 5 Александр I заявляет, что законы выше царей, то Екатерина II в анекдоте № 6, зафиксировавшем один из курьезных случаев, связанных с достаточно часто имевшимися место ошибками в делопроизводстве, заявляет, что государи не могут ошибаться. Стоит ли расценивать высказывание императрицы как ее жизненное кредо? Анекдот № 9 свидетельствует, что нет.

Анекдот № 9¹⁹

Екатерина [II] подарила одной из придворных дам, госпоже Верр, десять тысяч рублей на покупку дома. Покупая дом, Верр совершила купчую крепость на общее имя с своим мужем. Когда последний умер, наследники его отыскали себе (за выделом указанной части) половину дома, и Сенат утвердил их право. Императрица, основываясь на том, что деньги были подарены жене, нашла это решение несправедливым и поручила генерал-рекетмейстеру Маслову рассмотреть дело.

Через несколько времени Маслов доложил государыне, что сенатское постановление правильно и сообразно с уставами.

– *Так уставы те глупы и смешны, – сказала она.*

– *Ваше Величество имеет власть их переменить, – возразил Маслов, – но до сих пор никто иначе не должен поступать.*

– *Напишите указ, чтобы весь дом принадлежал вдове, – отвечала императрица, – я этого хочу!*

– *Но, государыня, этим нарушится правосудие и право собственности, – заметил Маслов.*

– *Прошу не рассуждать! – крикнула императрица с гневом.*

Маслов замолчал, собрал бумаги, поклонился и ушел.

На другой день, являсь с докладом, Маслов подал императрице две бумаги, сказав:

– *Вот, Ваше Величество, два указа по делу Верр, один согласный с вашей волей, а другой – с законами.*

Екатерина молча взяла бумаги и положила их в стол; затем, выслушав и разрешив остальные доклады Маслова, ласково и милостиво поговорила с ним и отпустила домой.

В тот же вечер Сенат получил подписанным тот указ, который соответствовал представлению Маслова, а следовательно, и справедливости.

В приведенном выше анекдоте мы видим некоторые метания Екатерины II – она оказалась перед сложным выбором: что считать справедливостью? С одной стороны, справедливость – это следование законам, но с другой, монарх – носитель высшей земной справедливости. Может ли правитель стоять выше закона? Екатерина осознает, что стоит выше закона, но в то же время, хотя и после долгих раздумий, не идет на его нарушение или изменение.

Кстати, окружение признает право императрицы нарушить или изменить закон, но все же именно оно в лице генерал-рекетмейстера Маслова подталкивает Екатерину II к поступку, ожидаемому от «справедливого» монарха. Кстати, принятие решения в пользу госпожи Верр (анекдот № 9) означало бы ущемление интересов других наследников. Во втором же случае (анекдот № 6) конкретно ничьи интересы не нарушаются. И Екатерина II как высшее лицо государства может позволить произвести внеплановое присвоение классного чина. Таким образом, императрица в глазах общественности оказывается справедливой и в первом, и во втором случаях. В первом –

¹⁹ Исторические анекдоты из жизни русских государей. – СПб.: Тип. М.А. Хана, 1880. – С. 12–13.

так как она следует велениям закона, во втором – так как она исправляет делопроизводственные ошибки не в формальных интересах государства, а в интересах конкретной личности – судьи Полетики.

В анекдоте № 9, так же как и в анекдоте № 5, следование закону воспринимается рассказчиками и слушателями анекдота именно в качестве воплощения справедливости. Напомним, что в анекдоте № 2 в качестве таковой, напротив, рассматривалось нарушение закона. То есть справедливость здесь подвижна, относительна, а не абсолютна, как при восстановлении нарушенных прав.

Относительной нам представляется справедливость и в анекдоте № 7. Теперь уже не Петр I, а Николай I освобождает виновного в совершении преступления. Здесь, хотя заключенный и не просит освободить его, более того, признается в краже, император вновь выступает в качестве некоего царя-батюшки, снисходительного к своим детям-подданным.

История эта, с одной стороны, весьма поучительна (не лги, говори правду – и будешь вознагражден), с другой – произвела, судя по всему, сильное впечатление на окружающих, стала элементом фольклора и способствовала формированию положительного имиджа монарха в глазах населения. Кроме того, в российском менталитете понятия «закон» и «справедливость» далеко не всегда совпадали. И показательным является то, что, выходя за рамки закона, правитель государства представлялся народу более справедливым.

Обратим внимание, что когда речь идет о восстановлении нарушенных прав, то правителю не зазорно извиниться перед потерпевшими. Так делает, например, Екатерина II. Она извиняется перед да-

мой, принесшей жалобу в Казанский собор (анекдот № 3), и перед невинно оклеветанным сибирским генерал-губернатором Якоби (анекдот № 8). Однако ж если справедливость относительна, когда решение монарха идет вразрез с требованиями закона или состоявшимся законным судебным решением, то в анекдотах присутствуют некие морализаторские моменты. Например, анекдот № 1 заканчивается словами Петра I: «За рождение такого сына, как ты, прощаю твоего отца и возвращаю его семейству, а тебя жаую чином и местом его, надеясь, что исполнишь должность лучше, нежели отец твой».

Завершая данное исследование, акцентируем внимание на нескольких моментах.

Во-первых, в сознании российских подданных доминировал образ «добротного царя (царицы)». Монарх являлся воплощением бытующих среди населения представлений о том, что только он может стать последней надеждой в споре, защитой от несправедливого суда или произвола чиновников. Именно государь – высшая земная инстанция, только он, лично рассмотрев челобитную, может и строго наказать виновного, и оправдать невинного. «Добрый царь» априори справедлив и милосерден. Даже когда осужденный действительно виновен, правитель может, а в некоторых случаях, когда того требуют соображения гуманности, должен быть к нему снисходительным. Также монарх должен даровать населению милости – проводить амнистию, давать чины, звания, должности.

Во-вторых, одной из особенностей российской ментальности изучаемого периода является то, что монарх в народных представлениях, зафиксированных в анекдотах, стоит выше законов, он может их нарушить, но должен это делать только в том

случае, если желает оказать «милость» своему подданному. В противном случае произвол недопустим.

Литература

Анекдот // Словарь русского языка XVIII века. – Л., 1984. – Вып. 1. А–Безпристрастие. – С. 70.

Анисимов Е.В. Анекдоты / Е.В. Анисимов // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. – СПб.: Культ.-просвет. о-во «Пушкин. фонд»; М.: Внешсигма, Третья волна, 1993. – С. 245–246.

Антология юридического анекдота / Сост.: В.М. Баранов, П.П. Баранов, В.В. Гриб, В.И. Каныгин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.; Н. Новгород, 2007. – 754 с.

Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя / И.И. Голиков. – М.: Универ. тип. Ридигера и Клаудия, 1796. – Т. 17. – XIII, 464, [3] с.

Зайончковский П.А. Введение / П.А. Зайончковский // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. – М., 1976. – Т. 1. – С. 10.

Иллюстров И.И. Юридические пословицы и поговорки русского народа / И.И. Иллюстров. – 3-е изд. – М.: Красандр, 2011. – 80 с.

Именной указ «О неподаче просьб Государю, мимо приказов, кроме государственных и неправорешенных дел». 27 октября 1699 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – № 1707.

Именной указ «О неподаче просьб мимо присутственны мест Государю, кроме важных государственных дел». 23 января 1700 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – № 1748.

Исторические анекдоты из жизни русских государей, государственных и общественных деятелей прошлого и настоящего / Под ред. М. Шевлякова. – СПб.: Дубинский, 1898. – 328, VIII с.

Исторические анекдоты из жизни русских государей. – СПб.: Тип. М.А. Хана, 1880. – 111 с.

Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века / А.Б. Каменский. – М.: РГГУ, 2006. – 403 с.

Кривошлык М.Г. Исторические анекдоты из жизни русских замечательных людей (с портретами и краткими биографиями) / М.Г. Конвошлык. – М.: Издательско-полиграфическая фирма «АНС-принт» Ассоциации «Новый стиль», 1991. – 144 с.

Мезин С.А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. / С.А. Мезин // Историографический сборник. – Вып. 20. – Саратов: Изд-во СГУ, 2002. – С. 18–54.

Никитенко А.В. Анекдот / А.В. Никитенко // Энциклопедический лексикон. – СПб., 1835. – Т. 2. – С. 303.

Ширяева Н.В. Лингвокогнитивные репрезентации комического в немецком языке (На материале типа текста «анекдот»): дис/ ... канд. филол. наук / Н.В. Ширяева. – М., 2007. – 221 с.